
КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Шокарева Алина

ДВОРЯНСКАЯ СЕМЬЯ: КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ. РУССКОЕ СТОЛИЧНОЕ ДВОРЯНСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века*

Shokareva Alina

Noble family: culture of communication. Russian metropolitan nobility in the first half of the XIXth century

Культура общения в семье, пишет автор, – это важный элемент культуры повседневности. Читателю предлагается исследование идеалов общения и поведения в дворянских семьях России первой половины XIX столетия – так называемого золотого века русской культуры. Некоторые ценности дворянской эпохи до сих пор живы и вызывают симпатии у современных людей. Культура столичного дворянства не являлась единой и монолитной, поскольку объединяла людей различных религиозных, философских и политических взглядов, с несхожими родословными. Однако несмотря на это дворянское сословие имело некую единую основу, а именно – характерный стиль поведения и, конечно, общения, прежде всего – семейного.

Дворянство было самым просвещенным сословием. Тот нравственный идеал, который стремилось воплотить русское дворянство первой половины XIX в., синтетически включал в себя:

---

* *Шокарева Алина*. Дворянская семья: культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века. – М.: Новое лит. обозрение, 2017. – 302 с.

- элементы героики, почерпнутые из античных классиков;
- элементы рыцарства, привнесенные культурными связями с Западной Европой;
- элементы православного благочестия, ставшего для русского общества нравственным стержнем еще во времена принятия христианства.

Какой виделась русскому дворянству идеальная семейная жизнь? Безусловно, образцом считалась большая дружная сплоченная семья. Для поддержания хороших отношений внутри семьи следовало соблюдать правила приличия и иерархию. Основами мирного сожительства декларировались любовь, взаимоуважение и вежливость. Вольность в поведении не поощрялась. «Слишком большая свобода в одежде, в манерах и в выражениях доказывает неуважение к окружающим, и по этим мелочам часто судят о человеке» (цит. по: с. 13).

Иерархия в семейных взаимоотношениях не подвергалась сомнению. Дети почитают родителей, младшие дети повинуются старшим братьям и сестрам. Николай I – император, т.е. высший из дворян – писал в 1838 г. сыну Николаю: «Люби и почитай родителей и старшего брата и прибегай к их советам всегда с полной доверенностью, и тогда наше благословение будет всегда над твоей дорогой головою» (цит. по: с. 16).

Одна из главных установок в воспитании дворянского ребенка состояла в том, что его ориентировали не на успех, а на идеал. Молодому человеку следовало быть храбрым, честным и образованным не для того, чтобы достичь чего бы то ни было (славы, богатства, высокого чина), а потому, что он – дворянин, которому изначально многое дано. Романтические веяния, интерес к прошлому России, возросший в начале XIX столетия, делали героизм и службу на благо Отечества нормой. «Служить» – вот ключевое слово в воспитании дворянина.

Жизненный уклад дворян первой половины XIX столетия зависел не только от их социального положения, достатка, но и от места проживания. Различно было поведение дворян в Москве и Санкт-Петербурге. Благодаря отдаленности царского двора в Москве свободы в поведении было много больше, нежели в Петербурге: один жил на английский манер, другой – на русский, третий был увлечен Францией... Москва жила самостоятельной, самобытной жизнью. По словам Н.Г. Левшина, «все вообще отставные старики, моты, весельчаки

и празднoлюбцы – все стекаются в Москву и там век свой доживают припеваючи» (цит. по: с. 31).

Москва была столицей допетровской России, значимой для людей, чтущих старые обычаи. Писатель и государственный деятель Д.Н. Бегичев считал, что в Санкт-Петербурге в основном служат и выслуживаются, интригуют друг против друга, а в Москве отдыхают, устраивают браки и сплетничают.

Безусловно, стиль общения дворянина зависел от места его проживания. Если бы можно было составить некую шкалу открытости и гостеприимства, то высшая точка находилась бы в поместьях, и наибольшей закрытостью и сдержанностью характеризовался бы Санкт-Петербург. Это касается как поведения в свете, так и в семейном кругу. По словам В.Г. Белинского, «москвичи – люди нараспашку, истинные афиняне, только на русско-московский лад» (цит. по: с. 42). В Петербурге жили постоянно в незримом либо реальном присутствии императора, поэтому и позволить себе более вольного поведения не могли. Жизнь в Петербурге была более дорогой, показной и суетливой. В Москве темп жизни был медленнее и число ежедневных контактов со знакомыми значительно меньше, чем в Северной столице, что позволяло больше времени уделять семье, общению с близкими и любимым занятиям.

Говоря об основах создания семьи автор пишет, что в XIX в. девушки очень стремились выйти замуж, потому, что от «партии» зависело ее место в обществе, ее женская «карьера». Можно сказать, что сам семейный уклад зарождал и укреплял в умах девушек это желание. С детства дворянским дочерям внушалась мысль о замужестве как о центральном событии в жизни женщины.

Матери старались поскорее выдать дочерей замуж, а для того постоянно их расхваливая, прибегали к различным уловкам: к примеру, выдумывали несуществующих женихов, которые якобы сватались, но получили отказ.

В Москве девушек привозили на так называемую «ярмарку невест» – на балы в Благородном собрании. Там завязывались знакомства с потенциальными женихами.

Родители, как правило, не принимали во внимание мнение детей по поводу их дальнейшей судьбы. Как пишет Е.А. Сабанеева: «Их личные склонности не согласовывались с планами родителей, однако

их это не раздражало – ...таковы были нравы той эпохи» (цит. по: с. 50).

В большинстве случаев родители больше внимания уделяли тому, каковы состояние, связи и чин жениха, а уж потом смотрели на его душевные качества.

Если дворянки считались невестами уже после 17 лет, то дворяне, как правило, женились в возрасте около 30 лет – к этому времени мужчина уже достигал некоторых высот по службе, у него накапливался жизненный опыт, к тому же он осознавал необходимость жениться, чтобы упрочить свое положение в свете и оставить потомство.

Замужняя женщина, по сравнению со своим девичьим положением, становилась, в некотором отношении, более свободной. Она могла распоряжаться деньгами (приданое было в ее собственности, по крайней мере с юридической стороны), своим временем, приобретала вес в обществе – особенно если выходила замуж за богатого и высокопоставленного человека.

Как правило, фактическим главой семьи был муж. Однако в некоторых случаях главенствующая роль в семье всецело принадлежала жене. Подчас жена была самостоятельной хозяйкой всего имения, могла распоряжаться им по своему усмотрению, а если ее доходы превышали мужнины, то муж и вовсе отходил на второй план. (С другой стороны, многие дворянки передоверяли мужьям управление своими деревнями к общей выгоде и в интересах детей – впрочем, не всегда счастливо.)

Супруги, знавшие нормы и правила поведения в свете, не всегда придерживались их в домашней обстановке с родными. Но в большинстве семей старались сохранить такт и взаимоуважение. Несмотря на то что браки часто заключались по расчету, супруги поддерживали ровные отношения, соблюдали приличия в свете, чтобы не уронить честь семьи.

Супруги жили на разных половинах дома. Это не порождало между ними отчужденности, но давало возможность обоим супругам иметь свою сферу в доме – это касалось не только ведения хозяйства (финансы, как правило, контролировал муж), но и интересов, которые второй супруг мог не разделять.

Досуг в XIX в., как и сейчас, воспринимался людьми как время свободное от работы. В просвещенной дворянской среде большой по-

пулярностью пользовались домашние спектакли. По выражению Лотмана, «театр вторгся в жизнь, активно перестраивая бытовое поведение людей» (цит. по: с. 83). Развлечение это появилось еще в XVIII в., и принимали в нем участие как титулованная столичная аристократия, так и провинциальное дворянство. Подобные домашние развлечения позволяли членам семьи реализовать свои таланты, сделать жизнь разнообразнее, отвлечься от тягот по службе, забот о хозяйстве и помогали объединить членов семьи за одним делом, создать и поддерживать семейные традиции.

Что касается развлечений дворян старшего возраста, то огромную их часть составляли игры в карты. Женщины в будние дни занимали свой досуг рукоделием. Многие создавали своими руками замечательные по красоте и качеству исполнения работы. Мужчины свое свободное время часто посвящали охоте.

Важную роль в укреплении семьи играли общие трапезы. За столом собиралась вся семья (а в ресторанах обедали лишь холостяки). Обедали в столице примерно с четырех до пяти, когда глава семьи возвращался со службы.

Хлебосольево, входившее в привычку у дворянских семей, описано у многих мемуаристов. Так, у Ф.В. Булгарина находим описание обеда «запросто, на двадцать четыре куверта», ведь в Северной столице не скупилась на угощения. Это повседневный обед, за которым были гости, приглашенные без особого случая. «Пожилые люди разговаривали о погоде, повышениях и наградах. Дамы о современных происшествиях в гостиных, о моде... Девушки разговаривали или со своими кавалерами, или между собой, о всякой всячине» (цит. по: с. 93). Несмотря на то что эти разговоры были праздными, общая трапеза и атмосфера дружественности сплачивали людей, укрепляли связи между всеми собравшимися.

В России с начала XVIII и до конца XIX в. существовал обычай звать гостей на какое-то центральное блюдо. Звали на осетра донского, на стерлядь сурскую, на икру уральскую, на семгу беломорскую, на балык астраханский, на омуля байкальского, а также на гуся, индейку, поросенка с кашей, – т.е. либо на торжественное блюдо, либо на столь редкое, что оно доставлялось откуда-нибудь с оказией специально для хозяина.

В дворянской среде (особенно в начале XIX в.) принято было выказывать гостеприимство, родственность, любовь и уважение друг к другу. Если искреннего желания общаться со всеми (весьма многочисленными) родственниками не возникало, то приходилось принуждать себя следовать общим нормам поведения, создавая иллюзию дружественных отношений, которые благодаря соблюдению строгих этикетных правил все же не исчезали.

Межсемейные связи в дворянском обществе крепили благодаря развитому гостеприимству, существованию единого культурного поля, практике частных собраний (балы, торжественные вечера, салоны). Столичное дворянство внешне по своему характеру представляло собой традиционное общество, придерживавшееся установленных правил поведения и общения, а также придававшее огромное значение родовым связям. При этом в самом дворянском обществе постоянно происходило переосмысление ценностей, а следовательно, и образцов поведения.

В дворянской среде, как и во всем обществе в целом, бытовала идея соборности, трансформированная в образ «дома» – общности людей, связанных узами любви, родства или близости к роду, общности, выстроенной по принципу иерархии. В представлении дворянина первой половины XIX в. понятие «дом» включало в себя не только членов семьи, кровных родственников, но и всех, кто проживал в одном здании, включая воспитанниц, приживалок и слуг. Все родственники могли пользоваться поддержкой старшего в роду и рассчитывать на его протекцию в случае надобности.

У детей в дворянском доме был свой особый мир, мало связанный с жизнью других в семье. Этот мир тем не менее подвергался самым разносторонним влияниям: родителей; нянь и слуг из народа; гувернеров и учителей, дающих современное образование. Поскольку гувернерами по большей части были иностранцы, то в сознании ребенка европейская картина мира наслаивалась на русскую (простонародную), привитую няньками и мамками. Вместе это способствовало формированию разносторонней личности, развивая в молодом дворянине разум, чувства, эстетику и нравственность (при условии, что все эти качества присутствовали у родителей, нянь и учителей). Разумная строгость способствовала формированию внутренней дисциплины.

В дворянском доме существовала еще одна особая субкультура – слуги. Ей были присущи свои традиции, передававшиеся по наследству. В среде слуг существовала своя иерархия. Чем выше по этой лестнице стоял слуга, тем ближе он был к господам и тем больше перенимал их культуру. Слуги низшего положения в барском доме продолжали существовать в русле традиций простонародной культуры и нередко, как вспоминают современники, не отличались высокими моральными качествами, так что господских детей даже не допускали до общения с ними.

Дворянская среда обладала одним замечательным качеством: она вызывала желание подражать ей в других слоях общества. Состоятельные купцы заводили дома на манер дворянских, стремились дать своим детям не менее престижное образование. Платье иноземного покроя, знание французского языка постепенно входят в купеческую среду. Крестьянское же население страны продолжало придерживаться патриархального уклада предков (за исключением тех крестьянских семей, которые входили в состав прислуги дворянского дома). Манеры слуг заметно отличались от крестьянских и частично походили на манеры городских жителей, но им не было позволено копировать своих хозяев, дабы избежать карикатуры на них.

Дворянское сословие создавало собственную культуру общения, основываясь на идеальных представлениях о должном, прекрасном, т.е. на некоем комплексе принципов, составляющих понятие «благородства». При этом не были утрачены и традиции предшествующих поколений, культивировавших превосходство над крепостными и подчеркивавших социальное неравенство во всех сферах обыденной жизни.

Феномен бытового общения в дворянских семьях означенного периода, пишет в заключение автор, утрачен, мы можем воссоздавать его лишь по частицам из мемуаров, дневников, писем и художественной литературы. Какие-то нюансы и элементы культуры уходили в прошлое под натиском моды (например, новые методы воспитания детей вытесняли прежние, менялись формы обращений между супругами). Большое влияние оказали на общество в целом, а также на отношения между родственниками реформы 1860–1870-х годов; именно в это время в обществе вновь вспыхивают горячие, порой ожесточенные споры, для которых вскоре было найдено клише «проблема отцов и детей». К началу XX в. идеалы дворян, «поэзия барской жизни» ут-

рачивают эталонность и уступают место буржуазным, коммерческим принципам: драматизм этого перехода становится, например, нервом комедии А.П. Чехова «Вишневый сад». И разумеется, события Гражданской войны и политика советской власти стерли следы дворянской культуры, оставив для нее место на уроках литературы, в театре и кино, в некоторых бытовых привычках старой интеллигенции. Зато уникальным явлением стало образование русских диаспор за границей, сохранение бежавшими от смерти дворянами – «белоэмигрантами» русской дореволюционной культуры: языка, религии, традиций и бытового общения.

Э. Ж.